

Алексей Дьячков

ПЕРЕСТАРОК

В ОЖИДАНИИ ЛЕКЦИИ

Обещай нам поэт небывалых щедрот,
Снегопада подробную магию,
Детвору, на горе раскатавшую лед,
Ночь, чтоб выхватить двор вспышкой магния.

Когда мы, не дождавшись трамвая, домой
Доберемся из ветреной хроники,
Пусть в подъезде согреется голубь больной,
Утешенья дождутся любовники.

Пусть оставшись одна, не умолкнет душа —
И вздыхает, и плачет и охает.
Пусть трамвай, как в серванте стекло, дребезжа
Проплывет, издеваясь, под окнами.

Раскатается море, которого нет,
Побегут волны к берегу парами.
К кислородной подушке прильнувший поэт,
Обещай нам дорожки кровавые.

СЕСТРА

И когда надоел нам, как горькая редька, Маршак,
Ты открыла мне тайну и несколько раз повторила —
Чтоб услышать глухое биение пульса в ушах,
Надо спрятаться в шкаф, где пропахло белье нафталином.

Из космической будки, из норки, где тесно вдвоем,
В щель в фанерных щитах я увидел стволы без скворешен,
Среднерусскую графику, мерзлую тушь, монохром,
Тусклый свет наклоненный, распутицу, дождь неокрепший.

Под фонарик отцовский, горящий во тьме горячо,
Брату, как в платяном животе кашалота Ионе,
Дни рожденья, замужества, смерти, чего-то еще
Ты читала по книге из библиотеки районной.

Для того, пролистав, ты пугала меня темнотой,
Чтоб лицо открывать на граните в щербатом овале,
Чтобы с кладбища я возвращался уставший домой
И лежал, сжавшись, как эмбрион, в остывающей ванне.

РЮМКА

На тонкой ножке ты, потя, поднялась,
Чтоб, преломив, дробить лучи, играть наливкой,
Чтобы сверкать среди салфеток, вилок, яств
На днях рожденьях, но все чаще на поминках.

Свет, собранный в пучок, уже не растерять.
Луч мечется в стекле, и не находит места
Себе, когда я глух и нем. Когда тебя
Держу, как старичок, — щепотью троеперстной.

Я успеваю на тебе остановить
Еще раз взгляд мой, что слезою затуманен.
Невидимый сосуд, чтоб пустоту хранить,
Где в каждой грани сад, и каждый ромб хрустален.

Не преданная ни земле, ни синеве —
Нетвердая слюда, которой все мы будем,
Упрямая вода, ледышка. — На тебе
Ни время след свой не оставило, ни люди.

Так бережно закат по комнате прошел.
Вода на кухне отшумела виновато.
В который раз тебя я принимаю, чтоб
Задвинуть за сервиз на полочку серванта.

Теперь уже года, как память обо мне,
Ты будешь здесь стоять и словно ждать кого-то,
Пока нас не столкнет на океанском дне
Очередной прилив всемирного потопа.

ОДА РАДОСТИ

Артист на часах командирских колесико
Завода подкрутит, послушает ход,
И жадно попив кипяченой из носика
Вполголоса арию Князя споет.

Попьет, побряхтит, пошуршит занавесками,
Пройдет в коридор, плащ накинёт, пора.
И вся коммуналка его половицками
Напевами с богом проводит в ДК.

Нырнет разведенка на кухню и включит нам
Поля яровые, воюющий мир.
И школьник ее, голой Махой измученный,
Проскачет из-под одеяла в сортир.

Вплывут в коридор не в халатах, а в платицах
Березки ансамблем под трели рожка,
И следом за ними вплывет старшекласница
С усами не смытых разводов снежка.

И выйдет алкаш из-за ширмы не выспавшись,
И что-то сипато прошепчет себе.
И выйдет так горько, что словом не выразишь,
Когда он на коврик сползет по стене.

Медбратья, цыгане с медведем и танцами,
И с гаснущей свечкой беззубый дьячок,
И бабки в платочках толпою потянутся,
И в кофточке с алым значком дурачок.

С рыданьем и смехом неожиданные гости к нам
Нагрянут, и щели рассолом залиют.
Куда же податься из ванной мне, Господи,
Где я перед зеркалом пыльным стою?

С мешками, морщинами, с раннею лысиной,
Укус комариный до крови растер,
Контуженный светом и желтыми листьями,
Что за ночь с березы прибрал мародер.

Не щелкну щеколдой, не выйду под занавес,
Пошарю в карманах — брелок без ключа,
Союз, коробок, затанусь и возрадуюсь,
Пока в дверь испуганно не постучат.

Газеты не ровно на тазике сложены.
Не якорь, а брюки забросил матрос.
Спокойно! Встречайте меня, краснокожие,
Я стеклышки вам из-за моря привез!

●

К нам приходили, не знаю, как пишется,
Слышится — осень-весна.
С пенкой в полях елисейских колышется
Сладкий кисель из овса.
Каша сороки-воровки и ладушки,
Шапка и шарф в рукаве.
На выходные поездка на камушки
С чаем некрепким в кафе.
Фото для солнца и песню для голоса,

В книгу заложенный знак
Будет турист, не дождавшись автобуса,
Складывать в старый рюкзак.
Будет разглядывать памятник зодчества,
Сползший к реке новодел,
Пьяный узор из листвы позолоченной
В чистой, проточной воде.
Жить единицей пехотной на стрельбище,
Глохнуть от резкого дзынь!
И запускать в непричесанный ельничек
Выдыха теплый пузырь.

ОЗНОБ

Когда мы выйдем к берегу из зарослей,
К воде, легко теряющей каркас,
Пусть с черных веток ворон интернатовский
Снежинок стаи потрясет на нас.

Пусть отразит река деревья голые,
Над головами вспыхнут облака,
Частями речи, сложными глаголами,
Словами перестанем быть когда.

Запремся в дом и сложим складень зарева,
И нас, как постояльцев, впустит сон.
И дед Мазай запутает мозаику,
Нащупывая дно своим веслом.

А завтра разбуди меня до ужина,
Чтоб разглядел я синий лес осин,
Чтоб под лопаткой стетоскопом слушаю,
Угрюмый врач дышать меня просил.

ШИШКА

Нет ни вычурной грусти, ни фальши.
Наш барак и тупик за углом.
Можно было бы мучиться дальше,
Но несчастье тебе помогло.

День любой становился все ближе,
Час любой — не однажды, не вдруг.
Чай с враньем и без косточек вишня,
И на счастье не трезвый хирург.

Ночь пришла без сестры симпатичной
И жарой подступила впритык,
И с тобой почеркала почти что
Список дел первоочередных.

Снег дешевый за форткой без марли,
Одеяла, сугробы, грубы.
Все еще вспоминаешь январь и
Поликлинику все еще ты.

ПЕРЕСТАРОК

Стволы в начале, роцца целиком,
Потом крыльцо, курящие мужчины,
И стали — самовар, бутылъ с цветком,
И мы в конце концов неразличимы.

Боярышником в сумерках скользя,
Сверкает сад то суриком, то охрой.
Нет пустоты, которую нельзя
Заполнить ночью и дорогой долгой.

Состав ползет, а я гляжу в окно.
Ногой качая, тюкаю об стену.

Приходит голос, слышанный давно:
Вернись домой и жизнь счастливой сделай!

Чужого сна ломается каркас,
И прячется в листве тугая завязь.
Как будто это было много раз
Со мной, но никогда не повторялось.